

Santis Ku

**«Время не
выбирают, в нём
живут и умирают» -
Александр Кушнер**

18+

Santis Ku

**«Время не выбирают, в нём живут
и умирают» - Александр Кушнер**

«Автор»

2026

Ku S.

«Время не выбирают, в нём живут и умирают» - Александр Кушнер
/ S. Ku — «Автор», 2026

Это рассказ-память о жизни замечательного художника Юрия Тимофеевича Герасимова (20.06.1937 – 03.06.2021, который заразился и умер от ковида), о его живописи, об учёбе в Академии художеств в Ленинграде, об отношении к культуре, к людям, к своим учителям. Это рассказ об удивительных встречах с Шолоховым, Закруткиным, Калининным, а также вспоминая о беседах с Бродским, Смоктуновским, Юрским, Анной Ахматовой и много другое, что оказало влияние на становление мастера, как художника.

© Ku S., 2026

© Автор, 2026

Santis Ku

«Время не выбирают, в нём живут и умирают» - Александр Кушнер

Часть первая. Война.

В поле, колосится урожай, ласково пригревает солнце, в небе не одной тучки, все работают. Это в основном женщины, дети, старики – мужчины на фронте. С утра до позднего вечера длится рабочий день, стране нужен хлеб. Многие оставались ночевать прямо в поле, соорудив в лесополосе шалаши: там они готовят пищу, стирают одежду и растят детей.

Внезапно тишину разорвал гул моторов. В небе появились немецкие самолёты. Они начали пикировать, поливая поле свинцом и сбрасывая бомбы, превращая урожай и людей в кровавое месиво. Все в панике бросились бежать в ближайшую лесополосу.

Мария Петровна подхватила шестилетнего сына, и собрав последние силы, рванула к укрытию. Но взрывной волной её отбросило в сторону, в голове помутнело, сознание отключилось. Придя в себя, она увидела сквозь пелену силуэт склонившего над ней своего сына, зовущего её. Он тянул её за руку, пытаясь поднять и плакал:

– Мама, мама, что с тобой?

Тело её не слушалось, но она, преодолевая боль, начала что было силы кричать,

– Юра, беги! Беги, Юра!

Юра продолжал её звать:

– Мама, мама, что с тобой.

Она продолжала кричать,

– Юра, беги!

Мальчик не уходил продолжая её звать. Она кричала снова и снова, пока Юра, пятась и заливаясь слезами стал удаляться от матери.

Мать продолжала кричать:

– Юра, беги!

Самолет после бомбёжки ещё раз развернулся и стал добивать тех кто не успел спрятаться. Немецкий лётчик заметил бегущего мальчика и открыл по нему огонь. Юра плача, спотыкаясь в высокой траве, изо всех сил бежал к лесополосе, где его уже встречали спрятавшие люди.

Когда самолёты улетели, выжившие начали искать раненых и собирать тела погибших. Мать Юры выжила, но с тех пор стала плохо слышать и слегка прихрамывать.

Юрий Тимофеевич стоял у окна. На улице, копаясь в мусорном баке, искал пропитание старик интеллигентного вида. Эта картина всколыхнула давние воспоминания о военном детстве, когда еду приходилось добывать точно так же.

Он вспомнил своего первого учителя. Это было на берегу Дона: они, детдомовские мальчишки, увидели солдата в шинели, который писал этюд. Все ребята пробежали мимо, а я остановился.

– Я был поражён тем, как обычные краски превращаются в живой пейзаж, – вспоминал Юрий Тимофеевич, – это произвело на меня такое огромное впечатление, что я остался с Александром Святохиным, моим первым учителем, на долгие годы, а в искусстве – на всю жизнь.

Когда после разгрома гитлеровцев под Сталинградом, наши танки шли на Курск, учитель придумал вырезать трафарет со словами «За Родину! За Сталина!». Танкисты и солдаты обнимали нас, благодарили, говорили:

– Молодцы, спасибо, – угощали американским яичным порошком, из которого готовили омлет – в то время это был деликатес, ведь даже жмых (макуха) был на исходе. А мне даже подарили американские ботинки на деревянной подошве, в которых я проходил в всю зиму.

– Сейчас, будучи заслуженным художником России, я не знаю, как дальше жить. Коммунальные счета выставляют каждый месяц, а картины... Картины вроде бы нужны, но платить за них не кто не хочет.

– Я прихожу в мастерскую каждый день, с утра до вечера пишу картины, хотя мне уже 83 года, но это не кому не надо, – рассказывает Юрий Тимофеевич. Приходят просят напиши портрет, мне очень нравятся ваши портреты, я пишу, а они не платят.

Однажды ко мне в мастерскую заявили трое здоровяков. С порога спросили:

– Ты Герасимов?

– Да, – отвечаю я, – ты писал портрет Савченко, – да я.

Получив утвердительный ответ, они потребовали отдать картину, пригрозив расправой. Пришлось отдать, хотя Савченко был человеком обеспеченным, ездил на дорогом джипе, и вряд ли нуждался в такой «защите».

В те страшные военные годы, люди были невероятно отзывчивы. Нас детдомовских не бросали в беде – делились последним сухарём, одеждой, лечили травмами, во время бомбёжки прятали в укрытие.

И за всё это, я безгранично им благодарен и считаю себя в неоплаченном долгу перед ними, поэтому, после окончания художественной Академии в Ленинграде, вернулся на Дон, к тем людям, чтобы писать о них и для них, что и делаю всю жизнь.

Иногда по ночам вскакиваю, когда приснится звук сирены, которая оповещает о начале бомбёжки. В памяти всплывает эвакуация: когда мать, схватила нас с братом и мы вместе с другими жителями города бежали на берег Дона. Там обстановка была страшная – направо лежали убитые, налево убитые, вокруг чёрная толпа, всех грузили на румынские баржи, на которые не так-то просто было попасть, в толпе нас чуть не задушили. Но мама с трудом затащила нас на баржу, чтобы плыть вверх по Дону. Отца тогда уже не было, он ушёл на фронт, когда началась война, он был закройщиком на фабрике, шил офицерам, генералам шинели и военную форму. Моя мама осталась одна с детьми, со мной и моим братом.

На барже, переполненной людьми, нас разместили в трюме, битком набитый людьми, зацепили баржу, к какому-то пароходику и мы поплыли против течения. Вроде бы, всё самое сложное миновало, но мимо проходили пьяные матросы и стали приставать к нашей матери,

– Привет красотка, – а наша мать была действительно симпатичная,

– Пойдём с нами, мы тебя не обидим.

Мама стала сопротивляться, но матросы её схватили, потащили и всё это на наших глазах. Мы начали плакать и кричать:

– Мама, мама, – но её утащили.

Но потом из рассказа матери мы узнали, что матросы к ней приставали, а когда ничего не получили, выбросили её за борт в реку.

Благо что она росла на Дону, хорошо плавала, смогла спастись, а мы на барже поплыли дальше, – так мы потеряли мать.

Мы с братом весь вечер плакали, люди нас успокаивали, давали поесть. Проплывая около Константиновска, кто-то сказал, что там есть детский дом, в который нас и сдали. Так мы оказались в Константиновском детском доме, где жили с 1942 до 1950 годы.

В 1950 году произошло чудо: мой старший брат Виктор случайно увидел из окна детского дома нашу мать. Оказалось, что она выжила и всё это время искала нас. Из её слов мы узнали, как были потеряны, но об этом страшно говорить, но так было.

Она осталась работать в детдоме прачкой, чтобы быть рядом. Условия в детском доме были ужасные: в зале стоял стог сена, мы не купаясь, не раздеваясь залезали в сделанные норы в сене, прижимались друг к другу и спали, чтобы не замёрзнуть, так и прожили всю зиму. По утрам выходили на лёд, там были «домашники», которые катались на коньках, мы у них коньки отнимали, а вечером они приходили с продуктами, кто с макухой, кто с грязной горкой сухарей, выкупать их. Таким образом мы выживали.

А рядом, в детдомовской прачечной, горкой лежали наши пацаны пересыпанные хлоркой – дизентерия косила нас «по-чёрному». Вот такая судьба была, не лёгкая.

Немцы с презрением относились к нашим людям. Могли свои физические испражнения сделать прямо при наших русских женщинах, снимали брюки, ничего не стесняясь. Этим они показывали, что нас считают за ничтожество. Такие были времена моего детства – ничего не поделаешь.

Часть вторая. Учёба.

Юрий Тимофеевич стоит перед мольбертом и пишет очередную картину. Но мысли не покидают его.

Детский дом, ужасное зрелище....

Благо всё в прошлом, всё удалось пережить. После окончания школы, приехал поступать в художественное училище имени Грекова, в Ростове-на-Дону, по совету своего первого учителя, который всегда говорил, что мне надо учиться. Из пропитания у меня в вещевой сумке было с десяток помидор и пяток огурцов, ночевать приходилось на речном вокзале.

На экзаменах по специальным предметам получил отлично, а по изложению двойку. Ребята, которые со иной поступали, увидели преподавателя русского языка и говорят:

– Валентина Михайловна, как это так получается, он лучше всех нас рисует, а его не принимают.

Эта женщина оказалась очень внимательной, забрала меня к себе домой, накормила борщом, я исправил свои ошибки, оставив одну, она поставила четвёртку и я стал студентом художественного училища имени Грекова.

Вот так, начиналось моё вхождение в искусство. Там мне встретились интересные люди, со мной учились ребята прошедшие войну – Красневский Володя, Козлов Паша и многие другие. А потом деревенский парнишка, а я действительно был такой, потому что Константиновск, на тот период был деревней, познакомился со многими видными людьми ростовской интеллигенции, которые помогли мне в формировании моей личности.

Я понимал, что училища для меня, чтобы стать серьёзным художником – было мало и я «бился», чтобы оказаться в центре нашей российской культуры.

Когда я приезжал в Москву, всегда старался зайти в выставочный зал Союза художников и в отличии от других не ходил просто так, а старался быть там где кучкуются посетители. Подхожу, слушаю о чём они говорят и начинаю понимать, что говорят специалисты, то есть художники, я подхожу и с улыбкой говорю,

– Почему вы считаете что это своеобразно?

Они видят, что интересуется молодой парнишка, его не прогоняют, а говорят:

– Чтобы это понять, надо много каши съесть.

А я опять:

– А вот эта картина как?, а то, я тоже художник, а не могли бы посмотрите мои работы?

– А где твои работы,

– Да в папке, в раздевалки.

– Ну пойдём.

Я привожу их в раздевалку, там посетители раздеваются:

– Привет, привет, – там все свои, – да вот иди сюда, тут парнишка картины свои показывает.

Никогда не было ни какого цинизма, ни хамства, ни приколов, а воспринимали меня как коллегу, молодого художника, который занимается тем же самым, чем и они. Это меня и подкупало, никогда не было ни оскорбления, ни усмешек:

– Вот это интересно, молодец, а здесь нужно ещё поработать, – советовали они.

А я начинаю задавать вопросы и попутно рассказываю им о своих невзгодах. Они начинают думать, как парнишке помочь, он ведь приехал из далека из деревне. А где ты будешь спать? Возник вопрос:

– Да я на вокзале, на Курском.

– Ладно, пойдём ко мне, хоть вещи поставишь у меня в мастерской, – пригласил один художник.

Придя в мастерскую, хозяин начинает показывать свои картины, рассказывая почему он так написал. В конце беседы говорит:

– Я вижу, ты нормальный парень, я пошёл спать, а ты оставайся в мастерской.

И это, их доверие, меня потрясло. Я никогда не присваивал ничего чужого, чтобы что-то взять или обмануть, а когда они приходили даже «глазом не вели», чтобы проверить пропало ли что-то. Это отличало этих людей, художников, от этой шоблы, с которыми я познакомился позже, детей генералов, любителей «Ракового корпуса», – это были совершенно другие люди.

Там был Коробов, скромный художник, он всю жизнь писал картины связаны с Александром Сергеевичем Пушкиным, писал Пушкинские места и так здорово их чувствовал.

– А почему только Пушкин?, – иногда спрашивали его, – да вот, я полюбил его пацаном и всю жизнь только о нём и пишу, я пушкинист.

Он не пил не курил, а мне всегда говорил иди кури на лестничную клетку, но ему было скучно и он выходил чтобы со мной поговорить.

Он представил меня Ромадину, мастерские были у них на одной клетке. Вижу идёт по лестнице маленький человечек.

– Вот Коля, мальчишка рисует, его надо пристроить, парень чувствует, что наш, – представил меня Коробов. Так я познакомился и подружился с Народным художником СССР, лауреатом Сталинской и Ленинской премий Николаем Михайловичем Ромадиным, который заведовал в Министерстве культуры организационными делами. Он помог мне устроиться в качестве вольнослушателя в художественное училище Памяти 1905 года на Красных воротах, там я проучился в его классе два года и многому научился. Николай Михайлович рассказывал нам об искусстве, о художниках, объяснял, – что необходимо учиться, нужно расти, что не надо быть бездельником.

Часть третья. Ленинград.

Когда я приехал в Ленинград поступать в академию художеств, то ходил к ним на занятия вольнослушателем, а по вечерам работал дворником на «Васильевском». У меня была служебная комната в подвале, ко мне приходили молодые ребята, девушки, иногда ночевали, но всю ночь вели красивые, интересные разговоры о прекрасном, о поэзии, о музыке, о живописи, спорили – для меня, это было потрясающе интересная пища для размышления и развития. Приходил Сергей Юрский, тогда работал кладовщиком в театре Товстоногова, в голубых кальсонах заходил Иннокентий Смоктуновский – вермут пил, он приехал с Урала или откуда-то еще, был ни кем, но тоже пробивался в театр имени Горького.

Ко мне одни приходили, другие уходили, однажды привели ко мне одного парня и говорят:

– Вот этому парнишке спать негде, пускай он у тебя поспит отдохнёт.

– Пускай, – отвечаю я.

Он был обыкновенный парень, но все его воспринимали, как себя любя и побаивались, все могли спорить, ругаться друг с другом, но когда он появлялся, они внимательно слушали, что он говорил, а если кто-то по пьянке что-то сказал, что ему не понравилось, он сразу багровел и словесно этот человек получал отпор с полна. Часто он остается спать у меня на полу, потом я узнал, что это был Иосиф Бродский, тогда ещё молодой парень, его в 60-е годы хотели посадить за тунеядство

Днём я ходил на занятия в академию художеств вольнослушателем, а потом до половины ночи одевал перчатки и занимался уборкой. Если были пищевые отходы, то я их собирал в мешки и отдавал представителям свиновхоза, это был хороший корм для свиней.

Однажды я им говорю:

– Нельзя ли по дешевке купить у вас мяса,

– А что молчал, что купить?, ты ведь нам такое добро делаешь, я тебе завтра привезу, – ответил представитель.

Привёз килограмм пять свинины. Я это всё приготовил и говорю этим ребятам, что сейчас будет пир. Они, естественно, покопались в своих карманах, купили бутылку шесть вермута, это было тогда самое дешевое вино. И пошло поехало, –спорили, ругались, смеялись, – было всё, что молодые могут вытворят в этом возрасте.

А потом, как то ситуация прояснилась и Бродский мне шепнул:

– Что желательно, чтобы ты про меня никому не говорил, а то мне за тунеядство влепят какую-то статью,

– Хорошо учту, – ответил я.

С каждым приходом, он оставался на два, три дня дня, а потом месяца полтора его не было, потом, когда ему спать было негде, он возвращался.

Представители совхоза стали привозил мне мясо, а по вечерам иногда я постригал ребят, они расплачивались, не деньгами, а кто чем мог, – кто авоську картошки принесёт, кто бутылку, – так вот и жил. Лидеров не было, все были вровень. А между их слов я понимал, что ребята любят театр и хотят там работать, любят выставки, но для участия в официальных выставках их картины не брали и они искали чердаки и делали там выставки. Но бывало и так, жил на чердаке какой-нибудь отшельник – художник и была у него там мастерская, он разрешал ребятам у него делать выставку.

Они были талантливые дилетанты, они не жалели своих работ. В Москве, все знают, была бульдозерная выставка, когда их картины бульдозер закопал. Ну закопал, закопал, украли украли, а если кому-то, что-то понравилась, решалось просто, – я тебе дарю.

Всё это отличало их от профессиональных художников. Профессиональные художники опирались на ту организацию, которая их кормила и так просто свои работы не отдавали, они имеют какой-то гонорар, а здесь бессребреники, в основном из «земли не обетованной», евреи, поросль такая молодая, ничего в карманах не имели, ничего не жалко. Нельзя сказать что они были алкаши, – нет, они были увлечёнными, фанатиками своего дела, но разговор у них был интересный, но в то же время беспочвенный. Они, другой раз, ссылались на то, что это мне приснилось и всё вокруг этого, а почему мне это приснилось, а тебе ничего не снится? То что ему приснилось, он это пытается сделать на холсте, какую-то абракадабру, чтобы ничего не понять. Они опирались на левое крыло абстракционистов, кубистов и других течений, на западе этот официоз присутствовал. Это как золотоискатели, они тонны песка перекалдывают, чтобы найти грамм золота и считают что это им подфортило.

Я был безотказный, а они были избалованные дети, надеялись, что фортуна им улыбнётся и они станут большими людьми. У многих так всё и вышло: вот Юрский устроился кладов-

щиком, а сам ходил в театральную школу при театре Горького, Толстоногов, в последствии, заметил его и он стал актёром, а в дальнейшем Бродский, Смоктуновский и некоторые другие стали действительно известными.

Бродский ходил с нами по музеям, по выставкам, а потом его кто-то «прижал». Я понимал, что у него «рыльцо в пушку», а почему не знал.

Он был неapolитичным человеком, а когда он стал знаменитым поэтом у него тоже отсутствовала политическая струна, он никогда не говорил плохо о стране. Но в Ленинграде поэты его знали и он их знал, его знала баба Аня, она была левый человек в искусстве, в поэзии. Она знала всю историю с Иосифом Бродским и наверно она его почитала и поддерживала.

У него была пониженная кислотность. Сахар, чай ему было противопоказано, ему нужно было что-то острое, солёное: помидоры, огурцы, даже бывало принесут огурцы их есть уже нельзя, а ребята говорят, – Йосичка съест.

В основном эти ребята обсуждали актуальные темы поднимаемые другими людьми, акте-рами, поэтами, художниками.

– Ты вот знаешь?, я читал, меня потрясли его стихи, – высказывались они и обсуждали их, но чтобы они сами поднимались на табуретку и читали свои стихи или показывали свои этюды, ставили игровые сцены я этого не помню, но зато вокруг их был какой-то свой культурный уровень. Я видел их картины на чердаках, в подвалах, когда они организовывали выставки.

Однажды после такого ночного времяпровождения, Иосиф попросил меня съездить во Всеволожск и у бабушки Ани попросить три рубля на похмелье. Я поехал на электричке через Финляндский вокзал, нашёл её и стал просить у неё деньги. Она говорит:

– Не дам, алкаш проклятый.

Я говорю:

– Ну, баба Аня, сколько я проехал, нашёл тебя, ну дай хоть два рубля.

Она вытащила из лифчика деньги и говорит,

– Передай ему, будет пить, ни рубля не дам, и чтобы больше твоей ноги здесь не было.

Вот так!

А потом прошло некоторое время, они пришли ко мне и говорят:

– Баба Аня умерла, надо пойти похоронить.

Я говорю,

– Опять во Всеволожск ехать,

– Да нет, во Дворец имени Кирова.

А я подумал, какая-то баба Аня и во Дворце имени Кирова? Подхожу к дворцу и вижу, её портрет с чёрной лентой в нижнем в правом углу и надпись «Анна Ахматова». Много было интересных событий и людей в моей жизни, общаясь с ними я формировался, как личность.

Как-то вечером стучатся:

– Юрок у тебя там свободно, посидеть можно?

– Пожалуйста приходите, – отвечал я.

В основном это были неформальные творческие молодые ребята и девчата, у них никаких политических амбиций не было. Они называли социалистическое искусство – это официоз, а пуститься в свободное плавание и выражать свои пустые эмоции – вот это была их стихия. Хотя я был далёк от их стихии, но воспринимал это с огромным интересом и даже когда они в Ленинграде читали по ночами переписанные от руки произведения Солженицина и восторга-лись, я тоже там был, но нутро моё было совершенно воспитано иначе, я как гость не проти-воречил ничему, но для меня это было абсолютно не интересно. Вот скажем читаешь художе-ственное произведение и чувствуется какой-то божественный почерк, люди делают какое-то событие при помощи слов, а там идёт какая то футуристическая хронометрия, каких-то при-думаных или правдивых вещей, построенных только на том, чтобы отвергать современную политику, – литературы там нет, есть только факты, это не имело ничего общего с искусством.

Я был ещё пацаненком, но почувствовал, что это был не писатель, а какой то хроникер, всё это было замешено на каких-то озлобленных фактах. (Солженицин. «Раковый корпус».)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.